

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕИ SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF KOREA

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-305-315

Научная статья / Research article

Историческая политика правительства Но Мухёна в Южной Корее: в поисках примирения с прошлым

Н.Н. Ким

Институт востоковедения РАН, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Аннотация. В период правительства Но Мухёна (2003–2008) историческая политика являлась одним из главных направлений внутренней политики Южной Кореи. Идеологическим обоснованием пересмотра событий корейской истории XX в. была идея построения нового корейского общества, основанного на принципах демократии и верховенстве гражданских прав и свобод. Посредством новой исторической политики правительство Но Мухёна пыталось доказать, что создание такого общества невозможно без установления истины о прошлом, в котором государство неоднократно пренебрегало гражданскими правами и совершало преступления. Повышенное внимание к вопросам восстановления исторической справедливости характерно и для действующего правительства Мун Чжэина – политического преемника Но Мухёна. В статье на основе анализа официальных документов правительства Но Мухёна, а также законодательства выявлены основные разногласия между политическими партиями Республики Корея вокруг учреждения Комиссии по установлению истины и примирению, обозначены ключевые результаты ее деятельности.

Ключевые слова: историческая политика, Но Мухён, правительство участия, Республика Корея, Комиссия по установлению истины и примирению

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 2019–2020 гг.

Для цитирования: *Ким Н.Н.* Историческая политика правительства Но Мухёна в Южной Корее: в поисках примирения с прошлым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 305–315. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-305-315

© Ким Н.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Historical Policy of the Roh Moo-hyun's Government in South Korea: Seeking Reconciliation with the Past

N.N. Kim

Institute of Oriental Studies RAS,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. Historical policy was one of the main directions of the domestic policy of the Roh Moo-hyun's government (2003–2008). The ideological justification of revising the 20th century history of Korea was the idea of building a new Korean society based on the principles of democracy and the rule of civil rights and freedoms. Through the implementation of a new historical policy the Roh Moo-hyun's government tried to prove that the creation of such a society was impossible without revealing the truth about the historical past, in which the state repeatedly neglected civil rights and committed crimes. Increased attention to issues of restoration of the historical justice is typical for the current government of Moon Jae-in, the political successor of Roh Moo-hyun. Based on the analysis of the governmental documents, legislation this paper reveals the main disagreements between political parties of the Republic of Korea around the establishment of the Truth and Reconciliation Commission, identifies the key results of its activities.

Keywords: historical policy, Roh Moo-hyun, participatory government, Republic of Korea, Truth and Reconciliation Commission

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of a grant from the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University Higher School of Economics 2019–2020.

For citation: Kim, N.N. (2021). Historical policy of the Roh Moo-hyun's government in South Korea: Seeking reconciliation with the past. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 305–315. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-305-315

Введение

Проблемы исторической памяти становятся особенно актуальны в обществах, находящихся на переходной стадии своего политического развития. Государства, пережившие авторитаризм, этнические конфликты, гражданскую войну, рано или поздно оказываются перед необходимостью разрешить тяжкий груз памяти о прошлом. Южная Корея в данном смысле не является исключением. На протяжении длительного времени в стране действовал военно-авторитарный режим, либерализация которого потребовала от демократического правительства разрешения травм «трудного прошлого». Выражением стремления южнокорейского правительства выяснить и предать гласности преступления государства в прошлом, реабилитировать жертв и достичь примирения между разными социально-политическими группами в обществе стало учреждение в период правительства Но Мухёна (2003–2008) Комиссии по установлению истины и примирению.

В данной статье на основе анализа отчета о политике «правительства участия» Но Мухёна «Всеобъемлющее упорядочение истории прошлого:

в направлении к примирению и гармоничному будущему» (февраль 2008 г.), «Основного закона по упорядочению исторического прошлого для установления истины и примирения» выявлены политические разногласия между консерваторами (партия *Ханнарадан*) и прогрессистами (партия *Уридан*) вокруг учреждения Комиссии по установлению истины и примирению, обозначены результаты ее деятельности, выявлены предпосылки для современной политики памяти в РК.

Вопросы эффективности деятельности Комиссии по установлению истины и примирению в Южной Корее затрагивались в работах Ким Ханчжун [Kim 2012], Ким Дончуна [Kim 2010]. Ким Ханчжун указывал на то, что главной предпосылкой создания подобной комиссии являлась либерализация политического режима и деятельность правительств Ким Ёнсама (1993–1998) и Ким Дэчжун (1998–2003). Критические отзывы о проводимой правительством Но Мухёна исторической политики высказывались К.В. Асмоловым, оценивающим ее в контексте политического противостояния между прогрессистами и консерваторами как исключительно популистскую и конъюнктурную [Асмолов 2019].

Политические разногласия по вопросу принятия закона об установлении истины и примирению

Выступая по случаю празднования Дня освобождения и основания Республики Корея 15 августа 2004 г., Но Мухён заявил о необходимости всеобъемлющего упорядочения истории прошлого. Так, впервые президентом была сформулирована задача по пересмотру исторического прошлого, главным образом истории Кореи XX века. Впоследствии это предложение было рассмотрено на заседании партии *Уридан*, созданной по инициативе Но Мухёна, и уже в конце года представлено для обсуждения в национальном парламенте [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:57–58]. В октябре 2004 г. на заседании только что избранного парламента 17-го созыва партия *Уридан* предложила несколько законопроектов: о ликвидации Закона о национальной безопасности, редакции Конституции, а также законов о частных школах и прессе и, наконец, законопроект об учреждении Комиссии по установлению истины и примирению. Таким образом, в число первых законодательных инициатив президента Но Мухёна вошел проект закона об упорядочении истории прошлого (*квэгоса чонни*) с целью установления истины и достижения примирения.

Интерес к историческим проблемам со стороны Но Мухёна был вызван его личным восприятием политического наследия авторитарных режимов, действующих в Южной Корее на протяжении нескольких десятилетий. Но Мухён считал, что «новое будущее» Республики Корея невозможно без освобождения общества от оппортунистской психологии, регионализма, духа пораженчества, унаследованного от исторического прошлого страны [Но 2009:277]. В этом смысле главную свою миссию Но Мухёна видел скорее в разрешении проблем политического наследия южнокорейского госу-

дарства, а не в стимулировании экономического роста – том, чего требовала от него политическая оппозиция.

С самого начала постановка вопроса о выяснении истины о преступлениях корейского государства в отношении гражданского населения вызвала негативную реакцию со стороны консерваторов. Но в целом, как показал социологический опрос, инициатива правительства выяснить истину о различных правонарушениях государства в прошлом была одобрена общественностью. По данным опроса, проведенного Институтом общественного мнения Кореи среди 700 респондентов в августе 2004 г., 62,1 % опрошенных признали необходимым правдиво освещать прошлое своей страны [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:71]. Помимо прочего надо учесть и общий политический контекст 2004 г.: победа партии *Уридан* на выборах в национальный парламент в апреле 2004 г. свидетельствовала о народной поддержке президента Но Мухёна и одновременно с этим создала фундамент для реализации его законодательных инициатив [Kihl 2005:107]. Более того, весной этого же года южнокорейские граждане выразили свою поддержку Но Мухёну, когда в Конституционном Суде рассматривался вопрос о его импичменте. На гражданские митинги, получившие название «собрание свечей», регулярно собирались десятки тысяч сторонников Но Мухёна [Kang 2016: 81]. В итоге в мае 2004 г. он был восстановлен в должности президента.

Это был не первый случай, когда правительство Южной Кореи поднимало вопрос о выяснении истины в отношении различных инцидентов прошлого. После демократического транзита власти 1987 г. правительство Ро Дэу (1988–1993) приняло закон о восстановлении чести и достоинства участников восстания в Кванджу, официально признав его как борьбу за демократизацию, а не мятеж. Правительство Ким Ёнсама (1993–1998) пошло дальше в данном вопросе, учредив День памяти жертв восстания в Кванджу, создав мемориальный комплекс, а также начав расследование Кочханского инцидента февраля 1951 г., когда южнокорейскими военными были расстреляны более 700 граждан по подозрению в сотрудничестве с просеверокорейскими партизанами. Правительство Ким Дэчжуна (1998–2003) учредило Комиссию по установлению правды о восстании на о. Чечжудо (инцидент 3 апреля 1948 г.) [Kim 2012]. Но ни одно южнокорейское правительство ранее не предлагало провести всеобъемлющее расследование многочисленных инцидентов прошлого, совершенных по инициативе или содействию государственных властей. В этом было главное отличие исторической политики «правительства участия» от предшествующей практики.

Более того, все эти попытки южнокорейского правительства после перехода от авторитарного режима к демократическому выяснить истину об истории недавнего прошлого отражали общемировую практику создания комитетов по установлению истины и примирению (ЮАР, Чили, Марокко, Парагвай, Сербия) или же принятию законов с целью объективного расследования отдельных инцидентов прошлого (Бразилия, Аргентина, Филиппины,

Ирландия) [Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека 2007]. Учреждение подобных комиссий в разных регионах мира решало самые разнообразные задачи, многие из которых выходили за рамки вопросов исторической памяти. Деятельность комиссий содействовала прекращению различных форм дискриминации в отношении бывших жертв и их семей, создавала условия для примирения между враждующими в прошлом социальными (политическими) группами [Vora and Vora 2004; Ferrara 2015].

В целом можно выделить следующие цели политики «правительства участия» Но Мухёна по упорядочению прошлого: во-первых, это объективное расследование случаев нарушения прав человека, произошедших по инициативе или при содействии южнокорейского правительства после учреждения суверенного государства в 1948 г. Таким образом, демократическое правительство Но Мухёна рассчитывало на то, что удастся показать, какими на самом деле были авторитарные режимы президентов Ли Сынмана, Пак Чонхи и Чон Духвана, каковы масштабы жертв среди гражданского населения в годы Корейской войны, и вместе с этим раскрыть многочисленные фальсификации дел в период с 1948–1993 гг. (до правительства Ким Ёнсама).

Во-вторых, цель установления истины, согласно правительственному отчету «Всеобъемлющее упорядочение истории прошлого: в направлении к примирению и гармоничному будущему», заключалась не в том, чтобы выявить, кто настоящий виновник, а в том, чтобы установить причины инцидента прошлого, обозначить проблемы, в силу которых он возник, и выработать меры по исправлению ситуации с тем, чтобы не повторить подобного в будущем [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:54]. При этом необходимо не выборочно разбираться с инцидентами прошлого, а комплексно.

В-третьих, восстановить честь и достоинство жертв, всех невинно осужденных, убитых, пострадавших; выплатить материальную компенсацию, выработать меры поддержки семей погибших.

В-четвертых, государство в лице действующего правительства обязано признать свою вину и ответственность за преступления прошлого. Возложение на собственное правительство подобного рода обязательств перед гражданами существенным образом отличало президента Но Мухёна от всех предшествующих. Впоследствии его политический преемник – президент Мун Чжэин (2017 – настоящее время) продолжил данную линию и предложил внести поправки в Конституцию РК, которые бы усиливали обязательства государства в лице правительства перед обществом [Пэ 2018].

Как уже отмечалось, консерваторы из партии *Ханнарадан* изначально негативно отнеслись к инициативе президента по упорядочиванию исторического прошлого. Они объясняли это тем, что в первую очередь необходимо заняться вопросами экономического развития, стимулирования роста корейской экономики, а не выяснением истины о прошлом. В правительстве

Но Мухёна на это возражали: «...мы признаем, что экономическая проблема требует срочного разрешения, но это не означает, что нужно отказаться от решения вопроса упорядочивания прошлого; можно совместить их рассмотрение» [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:74].

Нельзя сказать, что оппозиция консерваторов в вопросе всеобъемлющего упорядочивания истории РК была жесткой, ибо к тому времени уже сложилась определенная практика создания специальных комиссий для расследования инцидентов прошлого, о чем было упомянуто выше. Более того, не без согласия со стороны консерваторов уже в период действия правительства Но Мухёна был принят специальный закон о выяснении истины об антинародной деятельности в период японской оккупации 1910–1945 (в августе 2003 г.). Обсуждение данного закона, а потом его редакция в декабре 2004 г. сопровождалась бурным обсуждением не только в парламенте, но и в обществе ввиду очень резонансной проблемы конфискации имущества у потомков корейских коллаборационистов. Но, с точки зрения первоочередных задач внутренней политики, для консерваторов в приоритете всегда были проблемы экономического роста, а не исторического прошлого. Поэтому, когда президент Но Мухён начал с предложений упорядочения исторического прошлого, это было воспринято как проявление популизма, а также как стремление ослабить позиции правых, консерваторов, ввиду их тесной политической связи с авторитарными правительствами в прошлом.

В отличие от правящей партии *Уридан*, которая исходила из того, что Комиссия по установлению истины и примирению будет функционировать при правительстве, состоять из назначенных президентом или парламентом лиц (госслужащих, ученых), партия *Ханнарадан* предложила иной порядок ее формирования и статус. Комиссия должна состоять исключительно из ученых и иметь академический статус, с тем чтобы не политизировать историческое прошлое, сделав его предметом государственной политики [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:56]. Поэтому консерваторы предложили схожий законопроект под названием «Основной закон для изучения и обзора новейшей истории», в котором рассмотрением инцидентов прошлого должны были заниматься ученые с целью более объективной репрезентации истории Кореи XX в. в исторических работах.

Согласно отчету «правительства участия», «проблемы прошлого, с которыми вплотную пришлось столкнуться нашему обществу, в большинстве своем обусловлены незаконным поведением государства, за которое оно не может не нести ответственность. Если проблемы прошлого рассматривают только ученые, то обязать государство извиниться, возместить ущерб, организовывать коммеморации сложно...» [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:74]. Правительство Но Мухёна указывало, например, на то, как решается проблема вианбу («женщин для утешения»). Одна сторона требует разрешить вопрос на государственном уровне, а другая (противники) – говорит, что это проблема, которой должны заниматься ученые. Очевидно, по мнению правительства Но Мухёна, что при таком раскладе добиться

извинений со стороны японского правительства, организации мер поддержки жертв военного сексуального рабства не удастся. Ученые могут использовать документы, которые будут аккумулированы Комиссией по установлению истины и примирению, провести научное исследование, опубликовать академическую работу, но более того они ничего не могут сделать, – полагали в правительстве. Поэтому выяснение истины об инцидентах прошлого должно решаться на государственном уровне.

Следующим пунктом разногласий между партиями стал вопрос о том, что именно будет предметом рассмотрения Комиссии по установлению истины и примирению. Партия *Уридан* предложила не включать в задачи Комиссии следующие несколько вопросов: 1) антияпонское движение до и в период японской оккупации; 2) деятельность соотечественников за рубежом, направленная на поддержание государственного суверенитета Республики Корея; 3) случаи насилия, убийства, террора, нарушения прав человека, совершенные враждебными РК силами (имеется в виду южнокорейскими коммунистами, северокорейскими военными, просеверокорейскими группами и проч.) в период с 15 августа 1945 до окончания авторитарного режима [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:57].

В *Уридан* полагали, что в задачи Министерства по делам ветеранов входят вопросы поиска борцов за независимость Кореи, реабилитация жертв антияпонского движения, выплата материальной компенсации, поэтому не стоит нагружать Комиссию дополнительной работой, уже осуществляемой соответствующим ведомством. Но, пожалуй, главной причиной нежелания *Уридан* включать первый и два других вопроса в предмет рассмотрения Комиссии было то, что они не были непосредственно связаны с нарушениями прав человека, к совершению которых в той или иной степени было причастно южнокорейское правительство. Главное внимание Комиссии, по замыслу прогрессистов, должно быть сосредоточено именно на преступлениях южнокорейского правительства. Но они понимали, что если не пойдут на уступки правым, консерваторам, то им не удастся принять закон. Как следствие, они согласились расширить предмет рассмотрения Комиссии, и это в итоге позволило принять его в мае 2005 г. («Основной закон по упорядочиванию исторического прошлого для установления истины и примирения») после длительных дискуссий, а в декабре того же года – учредить соответствующую Комиссию.

Результаты деятельности Комиссии по установлению истины и примирению

«Основной закон об упорядочении исторического прошлого для установления истины и примирения» вступил в силу 1 декабря 2005 г. Цель закона – «рассмотреть инциденты, произошедшие во время исполнения военной службы, а также убийства, насилие, нарушение человеческих прав, случившиеся вследствие противоправной, антинародной деятельности, в ходе антияпонского движения за независимость; осветить истину о рассмотренных

инцидентах, которая была искажена или сокрыта ранее, и внести тем самым вклад в общенациональное объединение посредством примирения с прошлым и укрепления легитимности власти» [Основной закон об упорядочении исторического прошлого для установления истины и примирения 2005]. В соответствии с законом была учреждена Комиссия по установлению истины и примирения, в состав которой входили три комитета: Комитет по установлению истины о движении за независимость, Комитет по установлению истины о массовых жертвах, Комитет по установлению истины о нарушениях прав человека. Комиссия была сформирована из 15 человек: 8 – избраны парламентом, 7 – назначены президентом (четверо из которых – по рекомендации председателя Верховного Суда).

Комиссия рассматривала дела по личному обращению граждан. При этом члены Комиссии имели право самостоятельно инициировать расследование. В течение года (с декабря 2005 по ноябрь 2006 г.) граждане должны были подать заявление с просьбой рассмотреть тот или иной инцидент в прошлом. Заявление могли подать жертвы, родственники погибших, располагавшие какими-либо сведениями о произошедшем инциденте. Комиссия принимала заявления по следующим категориям инцидентов: 1) антияпонское движение за независимость до и в период японской оккупации; 2) деятельность соотечественников за рубежом с целью поддержания и усиления государственной мощи РК в период с 1945 по 1993 гг.; 3) инциденты, повлекшие массовые жертвы населения в период с 15.08.1945 до 1993 г.; 4) инциденты, произошедшие в период с 15.08.1945 по 1993 г. в результате противозаконной деятельности государственных властей или нарушения ими конституционного порядка и повлекшие за собой смерть, ранение, пропажу, нарушение прав гражданина. К этой же категории относилось рассмотрение ранее сфабрикованных правительством дел; 5) инциденты, произошедшие в результате деятельности сил, враждебных РК или отрицающих ее легитимность, – террор, насилие, убийства, гибель во время военной службы в период с 15.08.1945 по 1993 г.; 6) иные инциденты, имеющие важное историческое значение, истина о которых должны быть установлена с целью выполнения цели Комиссии [Основной закон об упорядочении исторического прошлого для установления истины и примирения 2005].

Важно иметь в виду, что Комиссия не была уполномочена подавать иск в судебные органы о пересмотре дел, по которым уже были вынесены решения. Даже если в итоге рассмотрения Комиссии дело было признано ею сфабрикованным правительством, а судебное решение несправедливым, оно не подлежало пересмотру в суде. Комиссия рассматривала заявления граждан, но ее заключение имело юридическую силу только в вопросе выплаты компенсации жертвам. В этом смысле главными задачами Комиссии было установить истину об инцидентах прошлого и восстановить честь жертв. Общее количество зарегистрированных заявлений составило 10860, из них наибольшее количество обращений было по инцидентам с массовой гибелью граждан (случаи массовой резни в годы Корейской войны 1950–1953 гг.) –

7775. Дальше по количеству были заявления о жертвах террора, насилия, убийства, совершенные вражескими РК силами, – 1634 обращений, и заявления о нарушении прав человека, совершенные государственной властью – 458 [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:137]. Комиссия функционировала в течение 4 лет, по итогам ее работы был опубликован отчет, содержащий сведения о рассмотренных ею инцидентах и заключения по каждому из них. 31 декабря 2010 г. Комиссия была распущена.

Несмотря на достаточно большое количество обращений в Комиссию, ею было рассмотрены и вынесены заключения об установлении истины по очень ограниченному количеству дел. Так, например, после первого этапа рассмотрения заявлений о жертвах массовой резни часть не признали действительными, оставив только 7 538. Но итоговые заключения Комиссия вынесла только по 295 случаям, остальные так и остались нерассмотренными в силу юридических ограничений [Отчет о политике «правительства участия»... 2008:138]. Проблема заключалась в том, что по закону Комиссия не могла рассматривать дела, по которым уже были вынесены судебные заключения или же истек срок обжалования. Только в исключительных случаях, когда свидетели могли предоставить новые доказательства по рассмотренным ранее в суде делам, Комиссия приступала к собственному расследованию. Как следствие, результаты ее работы были значительно скромнее ожиданий многих граждан, чьи близкие пострадали от действий государства в прошлом.

Тем не менее для многих корейских семей признание их родственника жертвой, публичное принесение извинений правительством в совершении того или иного преступления предшествующими властями действовало как бальзам, освобождая от чувства вины и залечивая семейную травму [Kim Dong-choon 2010:8].

Заключение

Политика поиска примирения с прошлым посредством установления истины, реабилитации жертв и выплаты им материальной компенсации, безусловно, внесла свой вклад в дело общенационального объединения. Важно также и то, что подобная инициатива исходила от самого правительства, тем самым оно признало неправомерность действий предшествующих администраций, злоупотребляющих властью. Иными словами, вместе с пересмотром исторического прошлого происходило постепенное переосмысление места и роли государства в обществе – «реабилитация» государства в сознании тех, кто некогда пострадал от него. И несмотря на то, что результаты работы Комиссии по установлению истины и примирению были довольно скромными, учитывая то количество дел, по которым она вынесла заключения, ее деятельность стала фундаментом для последующего создания в Южной Корее на постоянной (временной) основе различных правительственных комиссий, фондов, занимающихся расследованиями инцидентов прошлого – сбором материалов, реабилитацией жертв,

выплатой материальной компенсации. Таким образом, вопросы выяснения истины о прошлом стали нормой исторической политики.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 12.02.2021

Библиографический список

- Асмолов К.В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М., 2019.
- Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. Генеральная Ассамблея ООН. 7 июня 2007. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/5/7> (дата обращения: 05.01.2021).
- Но Мухён. Сонгон-ква чвачжоль [Успех и крах]. Сеул, 2009.
- Пэ Сочжин. Хан нун-е по-нын «Мун Чжэин хонпоп кэчжонан» [Коротко о проекте Мун Чжэина поправок в Конституцию], 2018.03.26. URL: <http://www.ttimes.co.kr/view.html?no=2018032615447742132> (дата обращения: 06.01.2021).
- Чамьё чонбу чончхэк погосо. Пхогвальчжок квагоса чонни – хвахэ-ва сансэн-ый мирэ-рыль хянхэ. [Отчет о политике «правительства участия». «Всеобъемлющее упорядочение истории прошлого: в направлении к примирению и гармоничному будущему»]. Сеул, 2008. URL: <http://archives.knowhow.or.kr/policy/report/view/17310?page=1> (дата обращения: 02.01.2008) (На корейском).
- Чинсиль – хвахэ-рыль вихан квагоса чонни кибон поп [Основной закон об упорядочении исторического прошлого для установления истины и примирения]. URL: <https://www.law.go.kr> (дата обращения: 03.01.2021) (На корейском).
- Ferrara Anita. Assessing the Long-Term Impact of Truth Commissions: The Chilean Truth and Reconciliation Commission in Historical Perspective. Abingdon, Routledge, 2015.
- Kang Jiyeon. Igniting the internet. Youth and activism in postauthoritarian South Korea. Honolulu, 2016.
- Kihl Young Whan. Advancing democracy by promoting “participatory government” through a vibrant market economy // Two years of Roh Moo-hyun administration. Achievements and challenges. Seoul, 2005.
- Kim Dong-choon. The truth and reconciliation commission of Korea: uncovering the hidden Korean War // The Asia-Pacific Journal, 2010. 8 (9). 8. URL: <https://apjpf.org/-Kim-Dong-choon/3314/article.html> (accessed: 04.01.2021).
- Kim Hun Joon. Local, National, and International Determinants of Truth Commission: the South Korean Experience // Human Rights Quarterly. Vol. 34. No. 3 (August, 2012). P. 726–750.
- Vora J. A., Vora E. South Africa’s Truth and Reconciliation Commission: Perceptions of Xhosa, Afrikaner, and English South Africans // Journal of Black Studies. Vol. 34. No. 3 (Jan., 2004). P. 301–322.

References

- Asmolov, K. V. (2019). *Korean political culture: traditions and transformation*. Moscow.
- Bae, S. (2021). *Han nun-ae bo-neun “Moon Jae-in heonpop kaejeonan”* [A short review of the Moon Jae-in’s project of the revision of Constitution] 2018.03.26. Retrieved January 6 from URL: <http://www.ttimes.co.kr/view.html?no=2018032615447742132> (In Korean).
- Chamyeo jeongbu jeongchack bogoseo. Pogwaljeok gwageosa jeongni hwahaewa sangsaengui miraereul hyanghae [Report on policies of the participatory government. The comprehensive systematization of the historical past: towards reconciliation and a harmonious future]. Seoul, 2008. Retrieved January 2, 2021, from <http://archives.knowhow.or.kr/policy/report/view/17310?page=1>. (In Korean).
- Ferrara, A. (2015). *Assessing the Long-Term Impact of Truth Commissions: The Chilean Truth and Reconciliation Commission in Historical Perspective*. Abingdon, Routledge.

- Jinsil hwahaereul wihan gwageosa jeongni gibonbeop [The basic law on the systematization of the historical past for the truth and reconciliation]. Retrieved January 3, 2021, from <https://www.law.go.kr> (In Korean).
- Kang, J. (2016). *Igniting the internet. Youth and activism in postauthoritarian South Korea*. Honolulu.
- Kihl, Y.W. (2005). Advancing democracy by promoting “participatory government” through a vibrant market economy. *Two years of Roh Moo-hyun administration. Achievements and challenges* (pp. 104–109). Seoul.
- Kim, D. (2010). The truth and reconciliation commission of Korea: uncovering the hidden Korean War. *The Asia-Pacific Journal*, 8(9), 8. Retrieved January 4, 2020, from <https://apjpf.org/-Kim-Dong-choon/3314/article.html>.
- Kim, H.J. (2012). Local, National, and International Determinants of Truth Commission: the South Korean Experience. *Human Rights Quarterly*, 34(3), 726–750.
- Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. UN General Assembly. June 7, 2007. Retrieved January 5, 2021, from <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/5/7>.
- Roh, M. (2009). *Songeong-gwa chwajeol* [Success and Frustration]. Seoul. (In Korean).
- Vora, J.A., & Vora, E. (2004). South Africa’s Truth and Reconciliation Commission: Perceptions of Xhosa, Afrikaner, and English South Africans. *Journal of Black Studies*, 34(3), 301–322.

Сведения об авторе:

Ким Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация (e-mail: nkim@hse.ru) (ORCID: 0000-001-7728-7968).

About the author:

Natalya N. Kim – PhD in History, Associate Professor at the School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation (e-mail: nkim@hse.ru) (ORCID: 0000-001-7728-7968).